ГОМЕОПАТІЯ.

Еще письмо къ Доктору Зейдлицу.

Переписка наша, любезный товарищъ, относительно гомеопатическаго врачеванія, сдѣлалась гласною. Дѣло, о которомъ мы съ тобой толковали, всѣми силами добиваясь истины, столь важно, что, ей–ей, стоитъ вниманія любаго испытателя Природы: и такъ, коли нашлись люди, которые читали переписку нашу, читали не съ тѣмъ, чтобы, съ позволенія сказать, скалозубничать, а съ тѣмъ, чтобы послушать добросовѣстнаго изложенія посильныхъ испытаній нашихъ, относительно достойнаго вниманія предмета, — если читали, говорю, переписку нашу, то они должны и будутъ ожидать отъ насъ, отъ меня, по крайности, который поднялъ и завязалъ дѣло, повторенія опытовъ, внимательнѣйшаго наблюденія и — обнародованія изысканій моихъ. Иначе — молчаніе, есть знакъ согласія.

Чудное дѣло! Вещь, о которой мы теперь толкуемъ, подлежитъ опыту, подлежитъ пяти чувствамъ нашимъ, а мы не можемъ дощупаться

правды: по крайней мѣрѣ, выводы наши противорѣчатъ одинъ другому; да чего, — развѣ мы съ тобой одни не нашатнемся на путь истины, стоя на этомъ распутіи? Весь ученый и неученый міръ тоже! Всѣ спорятъ и поперечатъ другъ другу, и никто не соглашается! Видно, сущность дѣла такова, что не легко добиться въ немъ того, чего и мы теперь добиваемся: *да* или *нѣтъ?* Но если я каждый разъ за пріемомъ гомеопатическаго средства, чувствую то или другое; чувствую такъ ясно и вѣрно, какъ слышу гулъ при ударѣ въ колоколъ, какъ чувствую боль, взявъ булавку въ руку, и покалывая себя въ другую, — что тогда, другъ и товарищъ, дѣлать прикажешь, молчать или говорить? Или говорить вопреки чувствамъ, потому, что разсудокъ споритъ упрямо, настоятельно и убѣдительно? Нѣтъ! я въ этомъ случаѣ прикусить губы не успѣю; готовъ сойти съ ума — и правду сказать, есть съ чего ряхнуться; но поперечить пяти чувствамъ не умѣю.

Скажу еще разъ въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло: я не гомеопатъ; я доселѣ никого не лечилъ, и не думаю лечить гомеопатически; и, не вдаваясь ни въ какое сужденіе и разсмотрѣніе прочихъ началъ науки этой, хочу знать только одно: *обнаруживаютъ ли лекарственныя снадобья наши, гомеопатически изготовленныя,*

на природу человѣка какое либо дѣйствіе, или нѣтъ? **Неужели я до того добиться не въ силахъ опытомъ, на себѣ? Неужели я только долженъ вѣрить тому, что говорятъ другіе? Я голоденъ, а мнѣ говорятъ: ты сытъ, и я удовольствуюсь этимъ?**

И такъ, предоставляю другимъ судить о чистотѣ и непорочности опытовъ твоихъ, хотя бы, право, не мѣшало начинать каждый опытъ недѣйствительнымъ порошкомъ, а потомъ уже, по другому, третьему, четвертому пріему, дать дѣйствительный; иначе послѣдствія этого причтутся дѣйствію того, но, все равно: не хочу входить въ разбирательство, потому что хочу чистаго опыта, и болѣе ничего. Окончательный выводъ твой отвѣчаетъ на предложенный мною вопросъ: ***нѣтъ;*** **между тѣмъ, какъ опыты мои говорили:** ***да.*** **Не хочу, по тѣмъ же причинамъ, доказывать тебѣ основательность и справедливость первыхъ опытовъ моихъ: къ чему бы это повело? Ни къ чему; устали бы слушать и тебя и меня, а дѣло бы не пояснилось. И такъ, приступая снова къ опытамъ, избѣгаю того, что ты нашелъ, ошибочнаго, ложнаго, въ первыхъ опытахъ моихъ; а именно: соучастія души, игры воображенія.**

Суди ты, суди изъ людей, кому угодно, успѣлъ ли я въ этомъ, или нѣтъ, но повторяю,

дѣло подлежитъ чувствамъ, и должно рѣшаться черезъ ихъ посредство, не иначе.

Я судилъ такъ: коли воображеніе мутитъ голову, обаяетъ умъ, тамъ, гдѣ стоитъ на часахъ, ожидая припадковъ, то есть, коли я самъ себя обманываю, зная, что принялъ сегодня того или другаго, то обмануть себя самъ не могу, коли, продолжая принимать нѣсколько дней сряду по порошку, не знаю я вовсе, заключается ли въ немъ что нибудь дѣйствительное, или нѣтъ. Не такъ ли, товарищъ?

Я просилъ Г. Корпуснаго Доктора Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, сдѣлать надо мною опытъ, на слѣдующемъ условіи: прислать мнѣ нѣсколько обозначенныхъ числами порошковъ, а при нихъ запечатанную записку, которая бы содержала въ себѣ названія выданныхъ мнѣ средствъ, по пріемамъ. Получивъ все это, предположилъ я сдѣлать опытъ надъ собою, и надъ другимъ еще, съ тѣмъ, чтобы оба мы не распечатывали помянутой записки, иначе, какъ уже по совершенномъ окончаніи опыта, и отмѣтивъ сверхъ этого напередъ, какой пріемъ, и какое именно произвелъ дѣйствіе. Въ товарищи для этого опыта согласился, по дружбѣ своей ко мнѣ, поступить Директоръ Неплюевскаго Военнаго Училища, человѣкъ плотнаго сложенія, здоровый тѣломъ и душею, смѣявшійся всегда

дифференціяльной медицинѣ, а потому и тѣмъ охотнѣе согласившійся на всякое испытаніе.

Я принялъ безвкусный и безцвѣтный порошокъ, подъ № 1, и записалъ ввечеру того же, 6–го числа: *Дѣйствія не могъ замѣтить ни какого*. На другой день принялъ я два порошка, а въ вечеру записалъ то же. Теперь, увѣряю я тебя, что ожидалъ послѣ 4–го, 5–го и 6–го порошковъ съ большимъ нетерпѣніемъ и несомнѣнною увѣренностію, дѣйствія; во мнѣ вкоренилась какъ–то мысль, что если первые три порошка пустые, то послѣдніе три должны содержать что либо. Но, вопреки ожиданіямъ моимъ, помѣчалъ я и въ эти дни, по прежнему: Дѣйствія не замѣчено ни какого. Кончивъ такимъ образомъ этотъ запасъ, принялся я за слѣдующій, и, какъ сосѣдъ мой повторилъ мнѣ желаніе свое участвовать въ опытѣ, то и отдалъ я ему одну половину порошковъ, а другую, подъ соотвѣтствующими нумерами, оставилъ у себя, и продолжалъ опыты. Принявъ порошокъ въ 7 часовъ утра, помѣтилъ я въ 3 часа по полудни, когда надобно мнѣ было итти со двора, *дѣйствія доселѣ ни какого*, а самъ отправился обѣдать. Во время стола овладѣло мною непріятное чувство, и шумная бесѣда не могла его заглушить. Дома почувствовалъ я какое–то безпокойство, слабость, разстройство умственныхъ

способностей, котораго описать не умѣю. Мулла, учитель мой, пришелъ; я сѣлъ читать, но принужденъ былъ впервые, во все время четырехмѣсячныхъ занятій нашихъ, принужденъ былъ прекратить чтеніе, походилъ по комнатѣ, и сказалъ тогда же женѣ своей, что нынѣ, безъ всякаго сомнѣнія, принялъ я не одинъ молочный сахаръ, и что сверхъ этого, принятое мною сегодня средство не должно быть то же самое, которое испыталъ я при первыхъ опытахъ моихъ, то есть, не древесный уголь, а что нибудь вовсе иное. По крайней мѣрѣ, дѣйствіе не то. Я записалъ въ 10 часовъ вечера, когда уже всѣ припадки почти вовсе прекратились: *легкая дрожь, ознобъ, зѣвота, потягота, небольшая ломота;* далѣе: *ускоренное жилобіеніе, увеличенная теплота кожи, и наконецъ, и большая испарина и слабость*. Словомъ, это вся продѣлка небольшой лихорадки.

На другой день принялъ я, хотя и неохотно, слѣдующій порошокъ: послѣдствія тѣ же, но гораздо въ меньшемъ видѣ. На третій день принялъ я, съ отвращеніемъ, послѣдній порошокъ, и случайно увидѣлъ въ крахмалѣ гомеопатическіе катышки. По этому ожидалъ я съ напряженіемъ весьма сильнаго дѣйствія, и обманулся. Лихорадка была такъ слаба, что я едва только могъ ее замѣтить. Я распечаталъ

записку, и читалъ: *первые шесть порошковъ содержатъ чистый молочный сахаръ*. Далѣе: послѣдніе шесть порошковъ содержатъ natrum muriaticum, т. е. обыкновенную поваренную соль № 1. VI/X, № II. XXI/X, и № III. XXIV/X. – Въ тоже время получаю и отъ сосѣда своего, Директора Неплюевскаго Военнаго Училища, слѣдующую записку: *Возвращаю оставшіеся порошки дифференціяльной медицинѣ. Богъ съ ними. Сегодня въ ночи сдѣлался со мною такой сильный жаръ, что я едва ушелъ во снѣ отъ буйныхъ гусаровъ и уланъ. Вскочивши, сидѣлъ съ тяжелою головою, сухимъ шероховатымъ языкомъ, и кой-какъ, въ безпокойномъ снѣ, добился до утра. Языкъ бѣлъ; въ локтяхъ, по шеѣ и позвонкамъ спины что-то неловко, а причинъ, кромѣ порошковъ вашихъ, не приберу. Возьмите ихъ, и Богъ съ ними.*

Вотъ тебѣ дѣло, любезный товарищъ, какъ оно было: суди и ряди о немъ какъ самъ знаешь; судите, рядите, кому угодно, и какъ угодно. Почему порошки на него подѣйствовали сильнѣе, чѣмъ на меня; почему на меня подѣйствовалъ наиболѣе первый пріемъ соли, а два послѣдовавшіе обнаружились несравненно слабѣе, хотя второй пріемъ сильнѣе перваго, а третій сильнѣе втораго; на все это мнѣ немудрено было бы прибрать отговорку, да ты и самъ, коли

захочешь, такъ приберешь и порѣшишь; а не захочешь, такъ и мои толки не переувѣрятъ, не собьютъ. Довольно того, что я теперь *на себѣ собственно* испыталъ уже въ различное время, при различныхъ обстоятельствахъ, два различныя гомеопатическія средства, и каждое изъ нихъ по нѣскольку разъ; что каждое обнаружилось значительными, несомнѣнными припадками. Вотъ тебѣ холстъ, выкраивай сорочку! Или все это случай? нечаянность? и каждый разъ, послѣ пріема этихъ дифференціяльныхъ порошковъ, услужливое стеченіе обстоятельствъ? Но что молоть вздоръ! Это похоже на шутку, на насмѣшку, а я вовсе не хочу смѣяться, хочу говорить ясно и толково. Вотъ тебѣ дѣло, какъ было; разгадывай, коли умѣешь; я разгадать иначе не могу, какъ тѣмъ, что хворалъ и я, и товарищъ мой, отъ тѣхъ порошковъ, которые принимали. Вызываю и прошу всякаго, кто дорожитъ правдою, испытать на себѣ дѣйствіе гомеопатическаго средства, и убѣдиться въ томъ или другомъ. Оба мы, и я и ты, будемъ благодарны, коли для общей пользы, найдутся основательные изслѣдователи дѣла, и обнародуютъ свои опыты.

В. ДАЛЬ.